
**КЕН
Фоллетт**

МОЛОТ ЭДЕМА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

Ф75

«Серия «Детектив-exclusive»

Ken Follett

THE HAMMER OF EDEN

Перевод с английского В. Гольдича

Компьютерный дизайн В. Половцева

Печатается с разрешения автора.

Фоллетт, Кен.

Ф75 Молот Эдема : [роман] / Кен Фоллетт ; [пер. с англ. В. Гольдича]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 480 с. — (Детектив-exclusive).

ISBN 978-5-17-111271-4

ФБР не верит нелепой информации... Губернатор и его люди отмахиваются от явного бреда... И только агент Джуди Мэддокс знает — Калифорнии скоро не станет!

Группа террористов заполучила экологическое оружие, способное вызвать самое страшное землетрясение за всю историю США. Заговорщики уже начали действовать. Отсчет пошел...

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

© Ken Follett, 1998

© Перевод. В. Гольдич, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

ISBN 978-5-17-111271-4

Часть первая

ЧЕТЫРЕ НЕДЕЛИ

Когда он ложился в постель, у него перед глазами всегда возникала одна и та же картина.

Холмы, заросшие сосновым лесом, густым, как мех на спине медведя. Яркое голубое небо так прозрачно, что на него больно смотреть. В нескольких милях от дороги в ущелье с почти вертикальными стенами прячется тайная долина с протекающей по ней холодной рекой, берущей свое начало в расселине. Здесь, скрытый от посторонних глаз, на южном склоне ровными рядами растет виноград.

Когда он вспоминает, как там красиво, ему кажется, что у него разорвется сердце.

Мужчины, женщины и дети медленно идут вдоль виноградника, ухаживают за ним. Здесь его друзья, его любимые, его семья. Одна из женщин, крупная, с длинными темными волосами, смеется. Он испытывает к ней особую симпатию. Она откидывает голову, широко раскрывает рот, и ее чистый высокий голос плывет над долиной подобно птичьим трелям. Некоторые мужчины негромко произносят молитвы, обращаясь к богам долины и виноградной лозы с просьбой о хорошем урожае. Тут и там из земли торчат огромные пни — напоминание о тяжелой работе, которую пришлось проделать двадцать пять лет назад, когда они сюда пришли. Почва

4 здесь каменистая, но это хорошо, поскольку камень сохраняет тепло солнца и согревает корни лозы, защищая их от смертоносного холода.

За виноградником виднеется несколько деревянных домов, простых, но надежных, прекрасно защищающих от непогоды. Над кухней поднимается дым. На поляне женщина учит мальчика делать бочки.

Это святое место, охраняемое тайной и молитвами. Оно остается чистым, населяющие его люди свободны, в то время как мир вокруг погряз в коррупции и лицемерии, зависти и грязи.

Но потом видение меняется.

Что-то случилось с быстрым холодным ручьем, питающим водой долину. Его журчание смолкло. Остался лишь темный водоем, тихий и словно неживой. Его берега кажутся неподвижными, но, если на несколько мгновений отвести взгляд, водоем начинает увеличиваться. Вскоре ему уже приходится подняться вверх по склону.

Он не понимает, почему остальные не замечают наступления черной воды. Когда она доходит до первых рядов виноградника, люди продолжают работать, хотя вода уже добралась до их ног. Она окружает дома, и вскоре они исчезают под ней. Гаснет кухонный очаг, пустые бочки плавают по разрастающемуся озеру.

«Почему они не убегают?» — задает он себе вопрос; его охватывает паника.

Небо темнеет, появляются свинцовые тучи, холодный ветер цепляется за одежду, но люди продолжают расхаживать по винограднику, наклоняются и выпрямляются, улыбаются друг другу, спокойно переговариваются. Он единственный видит опасность и должен спасти от смерти хотя бы кого-нибудь из детей. Он хочет подбежать к дочери, но чувствует, что ноги увязли в грязи, он не может сдвинуться с места; его переполняет отчаяние.

На винограднике вода уже доходит людям до колен, потом до пояса, вот она поднялась до шеи. Он пытается

крикнуть тем, кого любит, что им необходимо что-то делать — иначе они все погибнут, но, когда открывает рот, не может произнести ни звука. Теперь он охвачен ужасом. 5

Вода заливает открытый рот, он начинает захлебываться.

И только после этого наступает пробуждение.

1

Человек, которого звали Пастор, вглядывался в пустынные просторы южного Техаса, надвинув на лоб ковбойскую шляпу.

Всюду, куда ни кинешь взгляд, низкий чахлый кустарник мескитового дерева и полынь. Перед ним протянулась старая колея шириной в десять футов. Водители испанских бульдозеров называли колею *sendero**. Вдоль нее через каждые пятьдесят ярдов стояли яркие пластиковые флажки на коротких проволочных шестах. По *sendero* медленно катился грузовик.

Пастор собирался украсть грузовик.

Первый автомобиль он угнал, когда ему исполнилось одиннадцать лет, — новый, белый как снег «линкольн-континенталь» 1961 года выпуска стоял с ключами в замке зажигания, припаркованный рядом с театром «Рокси» на Южном Бродвее в Лос-Анджелесе. Пастор, которого в те дни называли Рикки, почти ничего не видел из-за рулевого колеса. Ему было так страшно, что он едва не обмочился, однако у него хватило мужества проехать десять кварталов и вручить ключи Джимми Райли по прозвищу Свиное Рыло, который дал ему пять долларов. Потом Райли поехал покататься с подружкой и разбил машину на автостраде. Так Рикки стал членом банды Свиного Рыла.

Но этот грузовик не был обычной машиной.

* Тропа (исп.). — Здесь и далее примеч. пер.

Б Пастор наблюдал, как мощный двигатель, находящийся за кабиной водителя, медленно опустился на землю массивную стальную плиту площадью в шесть квадратных футов. Наступила тишина, затем послышался грохот. Вокруг грузовика поднялась туча пыли, плита начала ритмично ударяться о почву. Пастор почувствовал, как задрожала под ногами земля.

Он наблюдал за сейсмическим вибратором, устройством, посылающим ударные волны сквозь кору земли. Пастор практически не учился в школе, образование получил, угоня машины, но был самым умным человеком из всех, кого ему доводилось встречать. Он прекрасно понимал, как работает вибратор. Тот же принцип, что у радара или сонара. Волны отражаются от каких-то частей земли — камня или чего-то жидкого — и возвращаются к поверхности, где их улавливают специальные устройства, которые называются сейсмографы или геофоны.

Пастор работал оператором. На площади в одну квадратную милю на равных расстояниях расставили более тысячи геофонов. Всякий раз, когда начинал работать вибратор, сейсмографы фиксировали отраженные волны, а их, в свою очередь, записывал контролер, который находился в трейлере — все называли его конурой. Всю собранную таким образом информацию вводили в суперкомпьютер в Хьюстоне, чтобы получить трехмерную карту земной коры. Затем карты продавали нефтяным компаниям.

Вибраторы заработали энергичнее, казалось, океанский лайнер набирает скорость; затем стало тихо. Пастор пробежал вдоль *sendero* к грузовику, стараясь защитить глаза от взметнувшейся в воздух пыли. Распахнув дверцу, он взобрался в кабину. За рулем сидел приземистый темноволосый мужчина лет тридцати.

— Привет, Марио, — сказал Пастор, занимая место рядом с водителем.

— Привет, Рикки.

На водительских правах Пастора (класс Б) значилось имя — Ричард Грейнджер. Права были поддельными, но имя настоящим. 7

В руках он держал блок сигарет «Мальборо», которые курил Марио. Пастор бросил сигареты на приборный щиток:

— Вот, я кое-что тебе принес.

— Послушай, ты вообще не должен покупать мне курево.

— Я постоянно стреляю у тебя сигареты.

Пастор вскрыл блок, вытащил пачку, распечатал ее и взял себе сигарету.

Марио улыбнулся:

— Почему бы тебе не купить сигареты себе?

— Проклятие. Я не могу позволить себе такую дорогую привычку.

— Да ты просто спятил, — рассмеялся Марио.

Пастор закурил. Он всегда легко сходился с людьми. На улицах, где прошло его детство, тебя бьют, если ты кому-то не нравишься, а Рикки был низкорослым мальчишкой. Поэтому он научился интуитивно понимать, чего от него ждут — уважения, любви, шуточек, — и тут же предоставлять желаемое. На нефтяных промыслах людей связывал юмор: чаще всего язвительный, иногда добродушный или непристойный.

И хотя Пастор провел здесь всего две недели, люди ему доверяли. Однако он еще не придумал, как украсть сейсмический вибратор. А задачу необходимо решить в ближайшие несколько часов, поскольку завтра грузовик должен перебраться в другое место, которое находилось в семистах милях отсюда, возле Кловиса, штат Нью-Мексико.

У него возник план — поехать вместе с Марио. Путешествие займет два или три дня — грузовик, который весил сорок тысяч фунтов, даже на автостраде не мог развить скорость выше сорока миль в час. Где-нибудь по дороге он напоит Марио, а потом сбежит с грузовиком.

8 Пастор надеялся придумать план получше, но пока ничего не получалось.

— Моя машина еле дышит, — сказал он. — Ты не подбросишь меня завтра до Сан-Антонио?

Марио удивился:

— А разве ты не собираешься в Кловис?

— Нет. — Пастор махнул рукой в сторону пустыни. — Ты только посмотри вокруг. Здесь так красиво, я не хочу уезжать из Техаса.

Марио пожал плечами. Люди его профессии часто меняли работу.

— Конечно, я тебя подвезу. — Правила компании запрещали брать пассажиров, но водители их постоянно нарушали. — Встретимся на свалке.

Пастор кивнул. На свалке, устроенной в довольно мрачной лощине, было полно ржавых автомобилей, разбитых телевизоров и рваных матрасов. Она находилась на окраине Шило, ближайшего города. Там никто не увидит, что Марио берет его с собой, разве что мальчишки, стреляющие в змей из мелкашки.

— Во сколько?

— Ну, давай часов в шесть.

— Я захвачу кофе.

Пастору был необходим грузовик. От него зависела его жизнь. Ему ужасно хотелось прямо сейчас схватить Марио, вышвырнуть его из кабины и уехать. Но он понимал, что это не слишком хорошая идея. Во-первых, Марио на двадцать лет моложе, и с ним будет непросто справиться. Во-вторых, кражу не должны обнаружить в течение нескольких дней. Пастору нужно отогнать грузовик в Калифорнию и спрятать, прежде чем полиция начнет разыскивать похищенный сейсмический вибратор.

Радио в кабине запищало, показывая, что контролер записал данные, полученные после очередной серии замеров, и все прошло нормально. Марио поднял пли-

ту и проехал ровно пятьдесят ярдов, остановившись точно у розового пластикового флажка. Потом он опустил плиту и послал сигнал готовности. Пастор внимательно наблюдал за его действиями, стараясь запомнить, в каком порядке Марио перемещает рычаги и переключатели. Потом у него не будет возможности задавать вопросы. 9

Они дожидались радиосигнала из конуры. Конечно, водитель и сам имел право принимать решения, но контролер предпочитал отдавать команду лично, включая дистанционное управление. Пастор докурил сигарету и выбросил окурки в окно. Марио кивнул в сторону машины Пастора, припаркованной в четверти мили на асфальтовом шоссе в две полосы:

— Твоя подружка?

Пастор посмотрел в ту сторону, куда показал Марио. Звезда вышла из грязно-голубой «хонды» и осталась стоять, опираясь на капот и обмахиваясь соломенной шляпой.

— Да, — ответил Пастор.

— Давай-ка я покажу тебе фотку. — Марио вынул из кармана джинсов потертый кожаный бумажник, вытащил из него снимок и протянул Пастору. — Это Изабелла, — гордо сказал он.

Пастор взглянул на хорошенькую мексиканку лет двадцати пяти, в желтом платье. Темные волосы перевязаны желтой лентой. На коленях она держала грудного ребенка, а рядом стоял смущенный темноволосый мальчик.

— Твои дети?

Марио кивнул:

— Росс и Бетти.

Пастор сдержал улыбку, услышав английские имена.

— Симпатичные ребятки. — Он подумал о своих детях и едва не рассказал о них Марио, но в самый последний момент удержался. — Где они живут?

— В Эль-Пасо.

1 □ Неожиданно у Пастора возникла идея.

— Ты часто их видишь?

Марио покачал головой.

— Мне приходится много работать, приятель. Коплю деньги, чтобы купить дом. Настоящий, с большой кухней и бассейном во дворе. Они этого заслуживают.

Идея Пастора начала приобретать очертания, и он постарался скрыть возбуждение, небрежно проговорив:

— Да, красивый дом для красивой семьи?

— Именно, — улыбнулся Марио.

Прозвучал радиосигнал, и грузовик затрясло. Раздался грохот, напоминающий раскаты грома, только более ритмичные. Он начинался на басовых нотах, постепенно становясь все пронзительнее. Ровно через четырнадцать секунд наступила тишина.

Пастор щелкнул пальцами:

— Слушай, у меня появилась идея... Нет, пожалуй, ничего не получится.

— О чем ты?

— Не знаю, выйдет ли.

— Ты о чем, приятель?

— Мне пришла в голову одна мысль: у тебя красивая жена и симпатичные детки. Плохо, что ты так редко с ними встречаешься.

— Это твоя мысль?

— Нет. Вот что я хотел тебе предложить. Я могу отогнать грузовик в Нью-Мексико, а ты их наведишь, вот и все. — Было важно не показать собственной заинтересованности. — Но, боюсь, у нас ничего не получится, — равнодушно добавил он.

— Да. Ничего не получится.

— Наверное. С другой стороны, давай прикинем. Если мы стартуем завтра рано утром и вместе доедем до Сан-Антонио, я могу подбросить тебя до аэропорта, и днем ты уже будешь в Эль-Пасо. Поиграешь с детьми, пообедаешь с женой, проведешь с ней ночь, а утром ся-

дешь на самолет. Я подхвачу тебя в аэропорту Лаббока... Сколько от Лаббока до Кловиса? 1 1

— Девяносто или сто миль.

— Вечером того же дня мы будем в Кловисе. В крайнем случае утром. И никто не узнает, что ты не сидел за рулем все это время.

— Но ты же хотел выйти в Сан-Антонио.

Дерьмо. Эта деталь вылетела у Пастора из головы. Приходилось импровизировать на ходу.

— Знаешь, я никогда не бывал в Лаббоке, — беззаботно заявил он. — Кажется, именно там родился Бадди Холли.

— А кто, черт возьми, такой этот Бадди Холли?

Пастор пропел:

— «Я люблю тебя, Пегги Сью...» Бадди Холли умер до того, как ты родился, Марио. А мне он нравился даже больше, чем Элвис.

— И ты готов сесть за руль грузовика, чтобы я смог повидать своих?

Пастор немного испугался: вдруг у Марио возникли подозрения? Или он просто ему благодарен?

— Конечно, — ответил он. — Если ты разрешишь мне курить твои сигареты.

Марио удивленно покачал головой:

— Ты отличный парень, Рикки. Я даже не знаю.

Нет, он ничего не заподозрил. Однако Пастор понимал, что Марио сомневается и давить на него не следует. Он постарался скрыть свое разочарование и небрежно бросил:

— Ну, подумай на досуге, у тебя еще есть время.

— Если что-нибудь случится, я могу потерять работу.

— Можешь, — ответил Пастор, сдерживая нетерпение. — Давай поговорим об этом позже. Ты собираешься сегодня зайти в бар?

— Обязательно.

— Ну, там и скажешь, что решил.

— Ладно, договорились.

1 2 Вновь загудело радио, и Марио поднял плиту.

— Мне пора возвращаться, — сказал Пастор. —

Нам до заката нужно свернуть несколько миль кабеля. — Он отдал Марио его фотографию и распахнул дверь. — Вот что я тебе скажу, дружище: будь у меня такая хорошенькая женушка, я бы вообще не выходил из дома.

Он ухмыльнулся, спрыгнул на землю и захлопнул дверцу.

Грузовик подъехал к следующему флажку, а Пастор, загребая пыль ковбойскими сапогами, зашагал по своим делам.

Он подошел к тому месту, где стояла его машина, возле нее нетерпеливо расхаживала Звезда.

Когда-то она была знаменита. Впрочем, недолго. В самый разгар эры хиппи Звезда жила в Хайт-Эшбери, пригороде Сан-Франциско. Тогда Пастор ее еще не знал — он провел конец шестидесятых годов в заработке своего первого миллиона долларов, — но ему не раз доводилось слышать рассказы о ее успехах. Звезда была ошеломляюще красива — высокая, темноволосая, с великолепной фигурой, напоминающей песочные часы. Она записала пластинку, на которой вместе с группой, носившей название «Дождь из свежих маргариток», декламировала стихи под психоделическую музыку. Альбом имел успех, и Звезда на несколько дней прославилась.

Но легендой она стала благодаря своей неистребимой любви к плотским утехам. Она могла заниматься сексом со всяким, кто хотя бы ненадолго ее заинтересовал: с нетерпеливыми двенадцатилетними подростками, удивленными своим везением мужчинами, достигшими шестидесяти, мальчиками, считавшими себя голубыми, и девушками, не подозревавшими о том, что они лесбиянки. В ее постели побывали друзья, которых она знала долгие годы, и незнакомцы, только что встреченные на улице.

Это было много лет назад. Теперь ей оставалось всего несколько недель до пятидесятилетия, и в ее волосах появились седые пряди. Однако фигура Звезды не потеряла прежнего великолепия. Конечно, она больше не походила на песочные часы: теперь Звезда весила сто восемьдесят фунтов. Однако она по-прежнему обладала поразительной сексуальной привлекательностью. Стоило ей войти в бар, как все до единого мужчины начинали на нее тарашиться.

Даже сейчас, когда ей было жарко и ее мучила тревога, в походке Звезды чувствовалось приглашение к сексу, тонкое платье из хлопка больше открывало, чем скрывало, и Пастору захотелось овладеть ею прямо здесь и сейчас.

— Что произошло? — спросила она, когда он подошел поближе.

Пастор всегда вел себя как победитель.

— Выглядит превосходно, — заметил он.

— А звучит паршиво, — скептически ответила она.

Звезда знала, что не следует принимать всерьез то, что он говорит.

Пастор рассказал ей о предложении, которое он сделал Марио.

— Самое замечательное, что во всем обвинят Марио, — добавил он.

— Почему?

— Сама подумай. Он доберется до Лаббока и начнет меня разыскивать. Однако ни меня, ни грузовика там не будет. Он сообразит, что его обманули. И как Марио поступит? Неужели отправится в Кловис и сообщит компании, что потерял грузовик? Я так не думаю. В лучшем случае его уволят. В худшем — обвинят в краже грузовика и посадят в тюрьму. Могу спорить, что он даже не поедет в Кловис. Он тут же сядет в самолет, вернется в Эль-Пасо, посадит жену и детей в автомобиль и исчезнет. И тогда полиция будет уверена, что грузовик украл Марио. Рикки Грейнджер даже не попадет в список подозреваемых.

1 4 Она нахмурилась:

— Замечательный план. А если он не клюнет на приманку?

— Клюнет. Я почти уверен.

Звезда встревожилась еще сильнее и ударила ладонью по грязному кузову машины:

— Черт! Нам необходим этот проклятый грузовик!

Пастор был встревожен не меньше, но постарался скрыть свое беспокойство.

— Мы его получим. Так или иначе.

Она надела соломенную шляпу, оперлась спиной о машину и закрыла глаза.

— Хотела бы я иметь твою уверенность.

Он погладил ее по щеке.

— Не хотите ли прокатиться, леди?

— Да, пожалуйста. Отвези меня в мой номер с кондиционером.

— Придется заплатить.

Она удивленно раскрыла глаза и разыграла невинность:

— Мне придется сделать что-нибудь нехорошее, мистер?

Его рука скользнула в вырез ее платья.

— О да.

— Проклятие, — проговорила она и подняла подол до самой талии.

Оказалось, что Звезда не надела нижнего белья.

Пастор ухмыльнулся и начал расстегивать джинсы.

— А что подумает Марио, если увидит нас? — спросила она.

— Будет завидовать, — ответил Пастор, входя в нее.

Они были почти одного роста, и слияние произошло с удивительной легкостью, которая дается долгими годами практики.

Она поцеловала его в губы.

Через несколько мгновений Пастор услышал, как к ним приближается автомобиль. Оба, не прекра-

щая своего занятия, посмотрели в его сторону. 15
Грузовичок-пикап с тремя рабочими на переднем сиденье. Мужчины видели, что происходит, и, проезжая мимо, радостно завопили.

Звезда помахала им рукой:

— Привет, ребята!

Пастор так громко рассмеялся, что не выдержал и кончил.

Кризис вступил в заключительную, решающую фазу ровно три недели назад.

Они сидели за длинным столом в кухне и ели чечевичную похлебку со специями, овощами и свежим теплым хлебом, когда вошел Пол Бейл с конвертом в руке.

Пол разливал по бутылкам вино, которое они производили, но его функции на этом не заканчивались. Он был их связью с внешним миром, помогая заключать сделки и не вступать в прямой контакт.

Лысый бородатый человек в кожаной куртке дружил с Пастором еще с тех пор, как четырнадцатилетними хулиганами они грабили пьяных на дне Лос-Анджелеса в начале шестидесятых.

Пастор сообразил, что Пол получил письмо утром, тут же сел в автомобиль и приехал сюда из Напа. Он догадывался, что написано в письме, но ждал, когда Пол все объяснит.

— Письмо из Бюро по управлению государственными землями, адресованное Стелле Хиггинс, — сказал Пол и протянул его Звезде, сидевшей напротив Пастора.

На самом деле ее звали Стелла Хиггинс, под этим именем она арендовала участок земли в министерстве внутренних дел осенью 1969 года.

Все, кто сидел за столом, замолчали. Даже дети притихли, почувствовав беспокойство взрослых.

Звезда разорвала конверт, вынула листок бумаги и прочитала короткое обращение.

— Седьмое июня, — сказала она.